

Киевское слово.

1898. 14 июля. № 3774.

С. 1.

ЖУРНАЛЬНЫЕ НОВОСТИ.

Русские искания. — Ноша мира сего — Школьные учителя. — Наши жизни из прозаических. — А. Чехов.

Характерное явление нашего времени в русской жизни — потребность чего-то нового, неудовлетворенность существующим, ни в реальной, ни в отвлеченной области, страстная искания новых идеалов, новых чувств, новых впечатлений, новых форм. Художественное исследование этого настроения — драгочинный источник умственного наслаждения для вдумчивых и любящих жизнь натур. Такому именно исследованию посвящен только что вышедший отдельный южнорусский роман г. Гидича „Ноша мира сего“, о котором напечатан обстоятельный разбор в майской книжке „Недѣли“ в статье г. Гривня „Русские искания“. Содержание этого романа известно читателям „Недѣли“, и потому мы ограничимся только общим напоминанием. Николай Львович Макшапов, полный литератор, постигает по приглашению интеллигентный поселок „Пчелиный Кут“. Там давно знает его глава поселения поселян, опростившийся миллионер Зотов. Макшапов встал в „Пчелином Куте“ цѣлую семью племени, нарѣчий, состояний: здесь проживал известный художник профессор Воронков со побочной дочерью Наташей, разорившийся помещик Пенуасович, страдающий запоем, публицист „патриотический“ Чувович, кандидат университета Вушмарин, не окончивший образования гимназист Апанушин, религиозный купец Саломонидов и др. „Пчелиный Кут“ — это поселок „новых христиан“, своеобразных народников. Они поселились здесь в степной полосе России не для того, чтобы „соединиться“ с народом, аща у него идеалов или напавшая ему спон. Русские „новохристиане“ соединились в основном с точки зрения идеального решения и самосовершенствования. Но исторический наблюдатель, Макшапов, постепенно постигает из внутреннего мира этих

раздоров, неурядицы. С какой-то византийской средневѣковой мелочностью интеллигентные поселенцы каждую минуту готовы спорить из-за пустейших догматических вопросов. Знаменитая русская рознь проявляется в их обществѣ во всем своем уродствѣ. Макшапов нашел в „Пчелином Куте“ свое счастье — Наташу и вместе с ней без сожаления покинул поселок, который сам вскоре умер естественной смертью от внутренних раздоров и несогласий... Вторая часть романа вводит читателя в петербургскій свѣтъ, гдѣ на литературном обѣдѣ у графини Вельковой Макшапов встрѣчает бывшего поселенца „Пчелинаго Кута“, художника Боровикова. У графини, как и на поселях, толчется цѣлый ряд неудовлетворенных жизнью людей: она сама чего-то ищет, къ чему-то стремится. Макшапов невольно поддается общему настроению, онъ в постоянном общении с графиней и невольно сблизжается с нею духовно. Графиня идеалистка — мечтательница. Ей хочется и кажется возможным перевоспитание человечества; первым шагом къ достиженію цѣли является идея устроения особаго пріюта для несчастных дѣтей. Макшапов получает поручение съѣздить за границу для ознакомленія съ постановкой пріюта въ Европѣ. Но Европа и пріютное дѣло, какъ одинъ изъ видовъ европейской благотворительности, не удовлетворил Макшапова. По возвращеніи своемъ въ Россію, онъ всецѣло отдается Наташѣ и ее маленькому дѣлу — школѣ. Во время возни съ ребятишками школы ему начинает казаться, что „наше дѣло того, о чемъ мечтала графиня, начинается обрѣзывать здесь, давая ростки и постепенно разлѣтѣть. А въ будущемъ, быть можетъ, оно расцвѣтетъ пышнымъ цвѣтомъ“.

Предметъ, о которомъ г. Гидичъ въ зачетѣ объѣкта своего романа, некая сказка, чтобы была очень проста, в немъ есть за собой истинности. Въ романѣ-бы странныхъ и подчасъ даже естественныхъ формъ на вынуж-

дась стремленія русскаго челоѣка къ совершенствованію самого себя и окружающей среды, не должно забывать, что эти печальники все-таки наши лучшие люди и безъ нихъ заглохла-бы нива жизни. Нужно отдать полную справедливость г. Гидичу: онъ, не скрывая отрицательныхъ сторонъ описываемаго быта, не впадаетъ въ преувеличенія, не увлекается легкимъ подходомъ къ на-смѣшкѣ. Авторъ „Ноши мира“ не скрываетъ того, что обитатели „Пчелинаго Кута“, при преданности принципамъ и глубокомъ радикализмѣ, не проявляли достаточной подготовленности къ положенію работниковъ. Талантливый, преданный своему дѣлу художникъ яростно отрицаетъ любимое искусство во имя идеи косьбы сѣна, къ которой онъ не способенъ, но въ которой онъ видитъ ступень къ самосовершенствованію. Усвоивъ принципъ непротивленія злу, обитатели Кута сомнѣваются, можно-ли вывести чужихъ лошадей изъ овса, дозвоительно-ли останавливать ребенка, снѣгутающего голову птенцу, не будешь-ли во всемъ этомъ нарушенія чистоты идеи непротивленія злу... Съ другой стороны, среди горячихъ споровъ объ этой идее, почти ни одинъ изъ поселенцевъ не отдается взятому на себя крестьянскому дѣлу, какъ дѣлалъ это интеллигентный плѣмецъ или англичанинъ въ степяхъ Сѣверной Америки или Австраліи. Хозяйственности нѣтъ въ обиходѣ „Пчелинаго Кута“: изъ трехъ граблей у двухъ зубцы поломаны, сбруя на лошади разорвана и не починена, косы попорчены: „прошлымъ лѣтомъ сгнано большое количество сѣна отъ лѣвовой убожки, в зимѣ пришлось его покупать у соседей...“.

Вообще, — замѣчаетъ г. Гривень, — при всей даровитости, разносторонности русской натуры, въ ней чувствуется что-то недоделанное, неполноценное. Сравнивая наши различныя метанія въ стороны въ сторону, невольно проводишь сравненіе нашей отчужденности съ Европой, и именно съ Европой германской и скандинавской народности. Тамъ мы являемъ пережитки Атланта и Геркулеса, въ то время,

Киевское слово.

1898. 14 июля. № 3774.

с. 1.

как мы коснулись въ вѣнковой неподвижности, надъ ними пролетали ураганы религиозныхъ и политическихъ бурь. Кажется, гдѣ-бы, какъ не у нихъ, должна была развиваться неустойчивость и шатанія. А между тѣмъ, на мировой аренѣ эти народы идутъ къ какой-то, имъ только известной цѣли, ровнымъ и вѣрнымъ шагомъ. Нѣмецкій земледѣлецъ сумѣлъ соединить, примирить и роизъ, и чтение св. книги съ участіемъ въ вопросахъ политики и разительнымъ уваженіемъ пашни... Историческій процессъ въ Германіи совершается, вообще, наиболѣе рационально, что слѣдуетъ приписать, главнымъ образомъ, широкому народному образованію. Въ Германіи важнымъ историческимъ факторомъ является школьный учитель, о чемъ пишетъ въ той-же книжкѣ „Недѣли“ проф. Ин. Ивжужъ въ статьѣ „Школьный учитель побѣдилъ“. Этотъ послѣдній афсирмизмъ былъ нѣкогда въ большомъ ходу въ Европѣ послѣ того великаго разгрома, который нѣмцы произвели надъ Франціей во время послѣдней войны съ нею. Французы справедливо объясняли необычайныя и неожиданныя для нихъ поразенія превосходствомъ нѣмецкаго образованія, и, какъ вѣроятно, урокъ, пропасть не даромъ, и французы, заключивши миръ, постарались установить у себя почти немедленно же обязательное государственное образованіе, которому посвящаютъ много времени и средствъ. Но побѣда германскаго школьнаго учителя не ограничилась борьбой съ одной лишь Франціей. Въ широкой сферѣ международныхъ экономическихъ отношеній значеніе народнаго образованія все рѣзче и рѣзче выступаетъ на первый планъ. Вѣстятъ вѣстивъ чрезвычайные успѣхи, со времени франко-германской войны, въ побѣдѣ Германіи промышленности и торговли. „Превосходство, обнаруживавшееся годъ отъ году болѣе Германіей въ качествахъ ея товаровъ и успѣхахъ сбыта, представляется, собою лишь, какъ-бы награду за точное выполненіе одной опредѣленной программы, заключающейся въ одномъ словѣ: *порядокъ и ровнота образованія*. Кромѣ общаго шлога,

въ Пруссіи, напримѣръ, существуютъ въ значительномъ количествѣ образовательныя учрежденія для ремесла и мелкой индустріи. Маляры и декораторы имѣютъ въ Пруссіи 32 школы, баншмачники—9 школъ, портные—16 школъ, пекари—20 школъ, мясники—6 школъ, кузнецы—26 школъ. Можно сказать, что каждое ремесло или отрасль промышленности имѣетъ тамъ свои спеціальныя школы“. Въ заключеніе, г. Ивжужъ обращается къ политикѣ, и приводитъ мнѣніе одного бельгійскаго отчета, утверждающее, что нѣтъ основанія опасаться роста военной силы въ Германіи. „Милитаризмъ есть болѣзнь, которая въ концѣ концовъ излечиваетъ сама себя. Милитаризмъ вызываетъ непремѣнно за собою тяжесть государственныхъ долговъ, которые въ свою очередь производятъ раздраженіе и недоказательство. Чего другія націи должны бояться, — это не военной силы Германіи, а ея промышленнаго развитія... Ея солдаты и ея вооруженіе имѣютъ гораздо меньшую важность, нежели число ея фабрикъ, объемъ ея вывоза и успѣхъ ея торговли. Ея техническія школы выпускаютъ великолѣпную промышленную армію, а потому въ сферѣ знанія, страны, съ нею конкурирующія, должны быстро ее догонять и совершенствоваться, если не хотятъ покончить полнымъ разгромомъ или упадкомъ экономическаго благоденствія“.

Ни у одного русскаго писателя послѣдняго десятилѣтія не выразились такъ хорошо всѣ шероховатости „русскаго прогресса“, какъ у А. Чехова. Этотъ талантливый и оригинальный беллетристъ подвергъ нашу жизнь самой беспощадной критикѣ, и недаромъ онъ пользуется среди нашей читающей публики большою популярностью. Изъ которыхъ его книжки вышли уже седьмимъ изданіемъ, другія даже десятимъ, и, наконецъ, одна—одиннадцатымъ. Но часто вѣнчившіе успѣхы дѣло не ограничиваются. Люди самыхъ различныхъ литературныхъ направленій съ застѣнчивымъ единодушіемъ признають, что въ лицѣ Чехова мы имѣемъ друга

Киевское слово.

1898. 14 июля. № 3774.

С. 1.

художественную силу. Но если Чехова читают, если Чехова любят, если произведения его заставляют много говорить о себе, то вместе с тем не сомнительно, что произведения Чехова до сих пор оставляли лишь слабый след в самосознании общества. Многие объясняют это тем, что у самого Чехова нет определенного мировоззрения, определенного взгляда на нашу жизнь. Показать несостоятельность такого мнения — задача статьи М. Абрамова „Наша жизнь в произведениях Чехова“, помещенная в июньской книжке того же журнала. Для того, чтобы произведения Чехова произвели воздействие на склад наших воззрений, — говорит г. Абрамов, — необходимо прочитать их подряд; тогда перед нами из мелких кусочков сложится цельная картина глубокого смысла, — картина, производящая сильнейшее впечатление и заставляющая работать мысли. В последнем, например, рассказе „Моя жизнь“ изображена именно наша общественная жизнь, переполненная невообразимой чепухой, которая неизвестно зачем и для чего страивает нашу жизнь и от которой солоно приходится каждому из нас. Все в этой жизни так ничтожно и так бессмысленно, что человек, вынужденный жить этой жизнью, и сам превращается в какую-то ходячую бессмыслицу. В самом деле, что это за жизнь, которая изображена в „Моей жизни“? Чтобы разглядеть своих благородных сограждан, герой рассказа, по воле автора, сдвинулся простым рабочим маляром. И вот что увидел герой рассказа:

„Тя мой согражданин, о котором и раньше не было никакого мифа или которые с внешней стороны представлялись многим порядочными, теплыми, отзывчивыми, людьми жизненными, жестокими, способными на всякую гадость. Нас, простых людей, обманывали, обличивали, заставляли по целым часам дожидаться в холодных кабинетах в кулуарах, с нами обращались крайне грубо. Осень в нашем клубе и октябрь, обложив читальню и двор кон-

заты, мы заплатили по своим билетам за кусок, не приказали расписаться по двенадцати, и когда мы отказались исполнить это, то благообразный господин, в золотых очках, должно быть, один из старших клуба, сказал мне: „если ты, мерзавец, будешь еще много разговаривать, то и ты всю морду получишь“. И когда я как-то шепнул ему, что я — сын архитектора Полознев, то он сконфузился, покраснел, но тотчас же оправился и сказал: „да черт с ним!“. В занках, нами, рабочими, обывали тухлое мясо, легкую муку и спитой чай; на почте самый маленький чиновник считал себя вправе обращаться с нами, как с животными, и кричать на нас: „Обожди! Куда айдем?“... Но главное, что всего больше поражало меня в моем походе, — это совершенное отсутствие справедливости, то самое, что у народа определяется словами: „Бога забыли“. Каждый день обходится без мошенничества. Мошенничали и купцы, продавшие нам олени, и подрядчики, и сами заказчики. Само собою разумеется, ни о каких наших правах не могло быть и речи, и свои заработанные деньги мы должны были некий раз выпрашивать как милостыню, стоя у черного крыльца без шапок“... Неудивительно, что на такой почве рождаются самые мрачные и мрачные на жизнь, вообще и русскую в частности. Вот что говорит один из персонажей рассказа: „Никаких глубоких общественных течений у нас нет и не было. Культурная жизнь еще не начиналась. Ты же видишь, то же сплошное невежество, то же ничтожество, что и пятьсот лет назад. Течения, влияния, — но ведь все это можно, можно, можно, притянуто к пониманию, гротескному, патетическому, — и неужли ты не можешь видеть, что-нибудь другое?“.

(Окончание будет).